

В.Н.Федоров

**Перезахоронение останков генерала Д.П. Неверовского
на Бородинском поле**

У Спасо-Бородинского монастыря есть комплекс памятников, вызывающий волнение своей гармоничной торжественностью. Организующей основой комплекса является левая Семеновская флесь. На центральной оси ее — обелиск “Бессмертной дивизии Неверовского”. Рядом памятник — пионерным войскам. У исходящего угла флеси, на возвышающейся земляной площадке, надгробие из черного полированного гранита, увенчанное крестом. С лицевой стороны надгробия начертаны золотом слова: “Здесь погребен прах генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского, мужественно сражавшегося во главе своей 27-й пех. дивизии и контуженного в грудь ядром 26 августа 1812 года”. С обратной стороны надпись: “Генерал-лейтенант Д.П. Неверовский сражен в 1813 году под Лейпцигом. Прах его покоился в Галле и в 1912 году по Высочайшему повелению Государя императора Николая Александровича перенесен на родину 8-го июля того же года”.

Общие сведения об истории создания и установления памятников известны. Интерес представляют исторические детали, воссоздающие торжественный церемониал перезахоронения останков героя и возведения монументов.

Источником данного сообщения послужили протоколы, или так называемые Журналы юбилейной комиссии, находящиеся в РГВИА (фонд 1606 — штаба Московского военного округа), а также публикации в журналах “Разведчик”, “1812-й год”, “Нива”; воспоминания В.Ф. Джунковского, фоторепродукции из фондов Бородинского музея, а также опубликованные в названных журналах, и др. материалы.

Инициатива перезахоронения праха генерала Неверовского принадлежала Кругу ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. и была поддержана Высочайшим повелением 21 августа 1911 г. Вопрос о перезахоронении праха Неверовского был программным для созданной в ноябре того же года при штабе Московского военного округа юбилейной комиссии; наряду с вопросами восстановления полей сражений 1812 г., постановки на них памятников и сооружения в Москве здания для панорамы Бородинского сражения.

Почти на каждом заседании затрагивались проблемы перезахоронения или постановки памятников дивизии Неверовского, а также на его могиле. На первом заседании была оглашена докладная

записка московского генерал-губернатора Джунковского, в которой он сообщал о предпочтении погребения праха на флеша, так как “уход за могилой берет на себя монастырь”ⁱ.

Обсуждались детали исполнения: церемония извлечения праха, состав делегации, конечный пункт перевезения останков. Когда полки дивизии решили поставить памятник на Шевардинском редуте, комиссия терпеливо уведомляла, не препятствуя решению, что подходящее место памятнику было бы позади могилы Неверовского на флеша. На одном из заседаний председатель генерал П. П. Яковлев прочитал письмо коллекционера Петра Ивановича Щукина, в котором он извещал, на каком кладбище в городе Галле похоронен Неверовский. 10 марта 1912 г. “Комиссией даны указания, чтобы на памятнике генералу Неверовскому был бы православный крестⁱⁱ, а 17 марта 1912 г. по докладу военного инженера полковника П. А. Воронцова-Вельяминова был одобрен проект памятника на могиле Неверовского. 8 мая утвердили проект памятника 27-й дивизии. Решили поставить памятник на могиле генерала, на барбете, в исходящем углу левой флеша, а памятник 27-й дивизии — в затылок могиле Неверовского. Чтобы точно указать места предполагаемых к возведению памятников, с разрешения командующего Московским военным округом генерала от кавалерии П. А. Плева комиссия направила в Бородино команду саперов от Гренадерского саперного батальона во главе с капитаном Турчиным для трассирования линии укреплений.

Церемония изъятия останков Неверовского из могилы на старом кладбище города Галле, в 33 километрах от Лейпцига, была назначена на 3 июля. К этому времени в Галле, на родину великого Георга Фридриха Генделя, прибыла делегация из России. От лейб-гвардии Павловского полка — полковник барон Клодт фон Юргенсбург, капитан Л. Н. Сапожниковⁱⁱⁱ и унтер-офицер Брейер, от 24-го пех. Симбирского полка — штабс-капитан Р. Д. Воллерт, от 48-го Одесского — капитан Р. Г. Гассе. Одновременно прибыл и русский военный агент в Берлине полковник Базаров. После визита к местным властям члены делегации отправились на кладбище и преклонили колени перед убранный цветами могилой с памятником в виде саркофага с урной. На постаменте была начертана надпись: “Denkmal Sr. Exzellenz des Kaiserl. Russisch. General-Leutnant Newerowsky. Verwundet bei Leipzig d. 18. Octob. 1813, gest. d. 21. Octob. 1813^{iv}”.

При раскрытии могилы ни склепа, ни следов гроба и остатков военной формы не оказалось. Были обнаружены лишь крупные кости скелета. Среди них берцовая, в которую был ранен Неверовский в

предпоследний день “битвы народов”. Возможно, тело Неверовского было положено в могилу без гроба, в саване. Причем покойного похоронили не в мундире, а в белье, как лежал раненый: ведь с поля битвы привозили тысячи раненых. Найденные останки бережно разместили сообразно строению скелета в медном гробу с хрустальным окошечком. Медный гроб запаляли в большой цинковый, который члены делегации перенесли в кладбищенскую капеллу.

4 июля делегация возложила венки на гроб Неверовского, на могилы майора Виленского пех. полка Сытина и прусского майора барона фон Чаммера. В капеллу прибыли офицеры местного гарнизона, члены городского управления, высшие железнодорожные и полицейские власти. Начальник гарнизона генерал-лейтенант фон Вердер в качестве представителя германского императора возложил от его имени венок из живых цветов. Перед панихидой надгробное слово сказал прибывший из Берлина настоятель русской церкви протоиерей Мальцев. Перед выносом гроба из капеллы с краткой речью выступил барон Клодт фон Юргенсбург. После ответной речи бургомистра члены делегации вместе с 12-унтер-офицерами артиллерийского полка подняли и под звуки хора перенесли гроб через кладбище к траурной колеснице. При выносе гроба рота 27-го пех. (саксонского) полка сделала три залпа. Траурное шествие двинулось к вокзалу, гроб перенесли в траурный вагон. Перед отъездом из Галле делегация еще раз побывала на кладбище: могила Неверовского была в полном порядке, убрана зеленью и цветами. Делегация возложила венок на могилу с оставшимся на месте памятником, на обратной стороне которого вскоре появилась надпись: “Das dankbare Vaterland überführte im Jahre 1912 die Gebeine seines Helden nach der Heimat, wo sie auf dem Schlachtfelde von Borodino beigesetzt wurden”^{iv}.

Вечерний поезд, к которому был прицеплен траурный вагон, отошел по маршруту: Котбус — Познань — Торн — Александрово — Варшава.

Утром 6 июля на Брестском вокзале Варшавы в присутствии командующего войсками, представителей войск округа гроб торжественно перенесли из заграничного в русский вагон. От разных полков возложили венки. По пути следования траурного вагона (Брест, Минск, Смоленск, Вязьма) служили панихиды.

8 июля, в 4 часа утра, на станцию Бородино из Москвы прибыл специальный поезд, в котором находились: московский губернатор Джунковский, командующий войсками МВО генерал Плеве, князь Александр Петрович Багратион^{vi}, члены Кружка ревнителей памяти Отечественной войны со своим председателем генералом Яковлевым,

члены Военно-исторического общества и др. На станции для отдания почестей уже находился батальон 6-го гренадерского Таврического полка и четыре орудия 3-й гренадерской артиллерийской бригады. Через час на станцию с противоположной стороны подошел почтовый поезд с двумя прицепленными вагонами — один с останками Неверовского, второй — с депутациями. После того как отцепили и открыли траурный вагон, духовенство Спасо-Бородинского монастыря отслужило литию с возгласением вечной памяти “усопшему рабу Божию боярину Димитрию”. Гроб вынесли при звуках “Коль славен”, поставили на орудийный лафет 1-й батареи 2-й гренадерской Артиллерийской бригады. Войска взяли “на караул”. Гроб украсили венками: от Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., от князя Багратиона, от Полтавского дворянства — родины Неверовского, от Полтавского губернского земства, от Москвы, от московского отдела Императорского русского исторического общества, от императора Вильгельма II, от города Галле, от немецкого гарнизона — всего 18 венков.

Печальная процессия двинулась по вновь построенному от станции шоссе к Спасо-Бородинскому монастырю. Хор монахинь пел “Святый Боже”, музыканты тихо играли похоронный марш. За гробом вели коня, покрытого черной попоной. Войска мерно шли за останками героя, а по прибытии к монастырю выстроились у ограды. У святых ворот вновь лития, после чего гроб сняли с лафета и внесли в церковь Спаса Нерукотворного. Здесь отслужили панихиду. Затем высшие начальствующие лица на руках несли гроб с останками Неверовского на левую флешь, восстановленную к юбилею гренадерскими саперами. Гроб поставили на краю могилы, вырытой под барбетом, у исходящего угла укрепления. После краткой литии с возгласением “Вечной памяти” гроб под ружейные и артиллерийские залпы медленно опустили в приготовленный склеп, над которым был поставлен георгиевский штандарт.

Перед фронтом полковник Генерального штаба В. А. Афанасьев произнес речь, посвященную памяти героя: “Под Красным он отразил 40 атак лучшей кавалерии Европы, а 26 августа под Бородином оборонял эти флешы, назначенные ему для вечного упокоения. Тут недалеко у памятника лежит прах командовавшего армией Багратиона. И он, видя эти почести, которые мы отдаем его генералу, сказал бы ему теперь: спасибо тебе, Дмитрий Петрович, спасибо, что ты заслужил это, защищая царя и Отечество”^{vii}. Войска во главе с командующим генералом Плеве, салютующего шашкой, церемониальным маршем прошли перед открытой еще могилой под звуки марша лейб-гвардии Павловского полка. После ухода войск саперы заделали склеп и

поставили на могиле временный деревянный крест.

Открытие памятника и его освящение состоялось 12 августа 1912 г. На торжестве присутствовали генерал Плеве и другие высшие военные чины Московского военного округа. Джунковский возложил на могилу Неверовского от имени Николая II лавровый венок, перевитый георгиевскими лентами. А 25 августа на флешу побывал государь. Джунковский представил ему капитана Турчина. Император выслушал его подробный доклад о том, как гренадерские саперы восстанавливали укрепления, и осмотрел памятник на могиле Неверовского. Государь поблагодарил Турчина за прекрасное исполнение работ и поздравил его подполковником.

К юбилею был поставлен памятник 27-й пех. дивизии. На его сооружение средства вложили 24-й Симбирский им. Неверовского, 48-й Одесский им. Александра I, 52-й Виленский, 56-й Житомирский, 132-й Бендерский^{viii} и 164-й Закатальский^{ix} пех. полки. На гранях монумента золотыми буквами отмечены потери в четырех полках 27-й дивизии 24 и 26 августа. В 1-й бригаде (Одесский и Тарнопольский пех. полки) убито, ранено и без вести пропало 1241 нижних чина, 51 офицер. Во 2-й бригаде (Виленский и Симбирский пех. полки) — 1041 нижних чина и 36 офицеров.

Среди упомянутых на памятнике семи офицеров — фамилия шефа Симбирского полка полковника Павла Сергеевича Лошкарева. В Шевардинском бою он с симбирцами атаковал редут и истребил батальон 61-го линейного полка. Лошкарев “получил кутузовскую рану пулею навывлет в правую щеку и насквозь под левое ухо”^x. Несмотря на почти полную слепоту, он дожил до Крымской кампании. Вспоминая о Шевардинском бое, он признавался: “... Все наши, какие только бились в редуте, почти все там остались... мало кто вернулся”^{xi}

. Именно такие герои, как Лошкарев (а их было немало) обессмертили 27-ю дивизию и ее начальника — генерала Неверовского.

Примечания

ⁱ РГВИА. Ф.1606, оп.2, д.770, л.131.

ⁱⁱ Там же, л. 151.

ⁱⁱⁱ Лев Николаевич Сапожников — дедушка гл. герольдмейстера Российского Дворянского собрания С.А.Сапожникова.

^{iv} “Разведчик”. Журнал военный и литературный. СПб.1913, №1166, с.145. Перевод с немецкого языка: “Памяти Его Превосходительства генерал-лейтенанта императорской русской армии Неверовского, раненного под Лейпцигом 18 октября 1813 г. и умершего 21 октября 1813 г.”

^v Там же, с.146. Перевод с немецкого языка: “В 1912 г. останки героя стараниями

благодарного Отечества были торжественно захоронены на поле битвы при Бородине".
Благодарю за помощь в переводе В. Е. Анфилатова, зав. отделом Гос. Бородинского
военно-историч. музея-заповедника.

^{vi} Князь А. П. Багратион (1862–1920), внук двоюродного брата князя П. И. Багратиона. В
1912 г. — подполковник, комендант железнодорожного и водного участка станции
“Москва” Московско–Курской железной дороги. Выражаю большую благодарность за
данные сведения об А. П. Багратионе гл. специалисту ГАРФ И.С.Тихонову.

^{vii} *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т.1. М.,1997, с.692.

^{viii} Предком 56–го Житомирского и 132–го Бендерского пех.полков был Тарнопольский
пех.полк.

^{ix} Предками 164–го Закавказского пех.полка были 49–й и 50–й егерские полки, входившие
в 27–ю пех.дивизию. См.: РГВИА. Ф.1606, оп. 2, д. 770, л. 138.

^x *Антелива И.Г.* Грузины в Отечественную войну 1812 года. Тбилиси, 1983, с.78.

^{xi} Там же, с.79.